

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА В СОСТАВЕ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ

Несмотря на устойчивость основных положений традиционной грамматики, в ней остается ряд спорных положений, так и не нашедших своего решения в теориях вплоть до последнего времени. В число таких положений входят и вопросы, связанные с категорией наклонения. До сих пор в современной науке двояко решается вопрос относительно форм 1-го лица множественного числа глаголов совершенного вида, содержащих призыв к действию типа прочитаем написанное или несовершенного вида – призыв к продолжению действия типа читаем дальше. Трактовка их то как форм будущего (настоящего) времени, то как форм повелительного наклонения с обязательной оговоркой на спорность статуса содержится в самых разных учебниках для вузов и научных грамматиках. Сомнения ученых в рамках категории наклонения связаны также и с формами 3-го лица единственного числа глаголов в сочетании с частицами пусть, да типа пусть принесет, да здравствует. Более того, в исследованиях последних десятилетий (см. Бергельсон 1988:23; Бондаренко 1980:568; Ваулина 1988:14) углубляется положение Т.П. Ломтева, выводящего императив за рамки категории наклонения как категории прагматической в противовес индикативу и конъюнктиву, которые обозначают действия с точки зрения его реальности/нереальности.

В составе парадигмы индикатива в число спорных в научных изысканиях последних лет попадают формы будущего времени. Вынесение их за пределы категории времени связано с большой долей содержащейся в ней модальности по сравнению с формами настоящего и прошедшего времени.

Неустойчивость грамматического статуса указанных и других форм категории наклонения вполне объяснима и связана с эволюцией их становления в праславянский и более поздние периоды. Думается, однако, что включение их в состав одной грамматической категории и исключение из другой требует рассмотрения не только этих “спорных” форм, являющихся элементами, своеобразными “кирпичиками” категории, но и того объекта, который возникает в результате сложения этих “кирпичиков” в единое целое, то есть самой категории. В отношении нашего рассмотрения речь должна идти прежде всего о грамматических категориях, которые, однако, немислимы без семантических, понятийных,

категорий на основе неразрывной связи языка и мышления. Цель настоящей статьи – применить когнитивные семантические категории к вопросу эволюции грамматических категорий и их формального состава.

Исследуя морфологическое оформление грамматических категорий глагола, И.И.Мещанинов указывает на социальную обусловленность грамматических форм (84), поддерживая таким образом положение О.Есперсена о том, что “если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей – производящего и воспринимающего речь” (15). О.Есперсен выявляет степень соответствия грамматических категорий логическим, понятийным, которые являются внеязыковыми, универсальными, что дает основание рассматривать грамматические категории в связи с их семантическими соответствиями. Такой подход окончательно закрепляется в исследованиях с появлением в лингвистике когнитивной грамматики. В противовес ортодоксальной теории, которая признает возможность описания грамматики на основе формальных, а не семантических свойств, когнитивная грамматика утверждает символичность грамматики, так как “она не имеет независимого существования отдельно от семантической и фонологической структуры... Основные грамматические категории (например, существительное и глагол) могут быть определены семантически” (Лангаккер).

Именно в логико-понятийном аспекте рассматривает категорию Аристотель в философии и логике, впервые выдвинувший и сам термин “категория”. В своем трактате “Категории” он рассматривает их как “роды бытия”, выделяя при этом 10 логико-философских категорий (1939:7).

Закон соответствия мира слов миру мыслей, сформулированный еще в 19 веке Н.В.Крушевским, раскрывает причину упорядоченности, системности языковых фактов, проявляемых в их категоризации. Категоризация языка, таким образом, связана с восприятием мира человеком и обусловлена его системностью. Системность действительности, по наблюдениям А.Е.Супруна, особенно заметна на уровне лексики: “Системен мир, отражаемый словарем, и лишь потому системен словарь”. Категоризация мира становится возможной уже в древний период в связи с космологическим видением мира в противоположность хаосу, которое обуславливает упорядочение его предметов и понятий в человеческом сознании. Принцип структурированности мира на ряд категорий отражается в сознании человека. Т.А. ван Дейк подчеркивает, что мы не представляем действительность как недискретную массу, а выделяем различные сущности, такие, как предметы и лица. “Подобным же образом мы выделяем разные естественные категории разного рода сущностей, например столы, стулья, женщин, теории. Кроме того, единичные объекты, принадлежащие какой-либо категории, могут рассматриваться как обладающие определенными свойствами или участвующие в каких-либо отношениях. И, наконец, объекты, обладающие такими свойствами или находящиеся в таких отношениях, производят процессы, события или действия, то есть “факты” некоторой реальной или воображаемой ситуации” (2000: 82). Положения о том, что синтаксические и семантические категории отражают основные категории и структуры наших моделей познания (Там же: 84), а “системность словаря может отражать лишь познанную системность мира” (Супрун 1975: 7), обуславливают рассмотрение грамматической и семантической категорий сквозь призму когнитивистики. Такой подход представлен в зарубежной лингвистике последних десятилетий исследованиями Элеоноры Рош и Дж.Лакоффа и продолжен в русистике применительно к лексико-семантическим категориям (Рябцева, Кубрякова, Бендетович 2000). В рамках этих исследований классической категоризации Аристотеля, классифицирующей реалии и

понятия независимо от когнитивной деятельности человека, противопоставляется когнитивная категоризация, которая исходит от знаний о мире и мыслительной деятельности. Классическая категоризация исходит из того, что каждая категория имеет четкие, хорошо очерченные границы и принадлежность к категории определяется необходимыми и достаточными условиями, общими для всех членов категории (Дж. Лакофф 1988: 46). Когнитивная категоризация, разработанная в исследованиях Дж. Лакоффа, основана на теории прототипов, автором которой является Элеонора Рош.

Согласно данной теории, внутренняя структура категории характеризуется неравноправностью членов этой категории. Одни элементы категории имеют большие “права членства”, а другие – меньшие. Существуют центры, вокруг которых группируются в сознании индивида все остальные входящие в категорию члены. Центральные и периферийные элементы выделяются на основе психологической значимости, которая, однако, является следствием выделенности объективной. Центральные элементы Элеонора Рош определяет как прототипы. В прототипах воплощены наиболее характерные признаки категории, по которым опознается категория в целом (Бендетович 2000: 148; Дж. Лакофф 1988). Прототип таким образом становится своеобразным классификатором категории. Прототипическое значение составляет категориальный признак и в той или иной степени содержится в каждом элементе категории, находящемся на ее периферии. Оно служит основой категориального значения, которое в свою очередь можно определить как семантику, возникающую в результате соотношения (референции) действительности с ментальным пространством – на смысловом уровне и соотношения ментального пространства с языком – на семантическом уровне.

Семантическая категория формируется за счет расширения или сужения понятийной базы прототипа, на основе которого возникают другие члены, организующиеся в совокупность, которая и представляет собой категорию. Как известно, аналогичным образом, за счет расширения или сужения ядерного элемента своей внутренней структуры, организуется концепт. Кроме того, и в том, и в другом случае периферийные члены могут образовываться на базе других периферийных членов. Внутренняя структура концепта и категории при этом будет носить цепочечный характер, в отличие от централизованного образования периферийных элементов на базе прототипа, которое можно определить как радиусное. Так складывается соотношение между понятиями прототип, категория и концепт, которые, однако, следует разграничивать.

Категория – структурное образование, состоящее из прототипического и периферийных элементов. Концепт – ментальная сущность, являющаяся посредником между реальным миром и языком. Из существующих определений термина концепт, подробно проанализированных в работе (Ладутько, Сычева 2001), наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой концептом является сложное понятие, возникающее на основе взаимосвязи языка с экстралингвистическими реалиями (Лихачев 1993, Кубрякова 1997), имеющими субъективную ценность в данном языковом коллективе (Корнеева 2001, Михеев 1987).

Важно заметить, что существует мнение исследователей, согласно которому внутренняя (иерархическая) структура предметных и концептуальных классов может не совпадать. Формирующаяся в сознании человека система концептуальных связей основана не на том, как устроены отдельные объекты, имеют они сходство или различия, а на общих и индивидуальных представлениях об устройстве окружающего мира. Сознание человека оперирует такими концептуальными классами, которые не имеют определенного места в какой-то иерархической структуре, но при этом обладают явной психологической значимостью.

В связи с этим в одном концептуальном классе могут оказываться змея и темнота как предметы, способные вызывать страх, а также дети и телевизор, если говорить о ценностях, которые следует выносить из дому во время пожара и т.д. (Михеев, Фрумкина 1987 с опорой на работы Г.Мэрфи и Д.Медина).

Не углубляясь в рассуждения о том, насколько доказательным является приведенное положение, так как это не входит в задачи данной статьи, отметим, что оно еще раз подтверждает понимание концепта как ценностной сущности. Поскольку категориальное значение семантической категории основано, как уже отмечалось, на соотношении реальной действительности с ментальным пространством, а концепт – это также ментальная сущность, промежуточная между языком и экстралингвистическим миром, то можно заключить, что категориальное значение семантической категории выводится из концепта, с которым данную категорию можно соотнести, а ее прототипическое значение эквивалентно ядерному компоненту внутренней структуры концепта. Различия между концептом и соответствующей ему категорией состоит в том, что концепт представляет собой внутреннюю, смысловую, совокупность значений, а категория – внешнее проявление, внешнюю структуру смысловых элементов. Из этого вытекает, что семантическая категория формируется за счет категоризации соответствующего концепта. Таким образом, чтобы выявить становление семантической категории, необходимо, на наш взгляд, произвести анализ категоризируемого при этом концепта.

Анализ концепта проводился нами с использованием методики, разработанной в исследовании Н.К.Рябцевой. Данная методика основана на когнитивном подходе к анализу языка, позволяющей понять, как человек осмысляет мир, и также построена с учетом теории прототипов. Обобщая приведенный в данном исследовании конкретный материал, ее можно описать следующим образом. Любой концепт имеет внутреннюю организацию с центральной и периферийной зонами. Центральная зона представляет собой прототипическое значение концепта. Оно определяется путем выявления основного значения слова, обозначающего данный концепт. Периферийная зона распознается за счет выявления других значений данного слова, поскольку концепт предполагает полисемантичность. Установить, как категоризируется данный концепт, можно, если определить, в результате какого прототипического эффекта сложилась специфика соотносимого с ним слова. Прототипический эффект возникает в случае, если более сложные элементы описываются через более простые элементы, являющиеся ядерными для данной категории (Рябцева 1991: 72-77). Согласно Дж. Лакоффу, наиболее распространенными способами категоризации являются метафорический и метанимический переносы (1988: 32). Внутренняя, смысловая, структура концепта организуется во внешнюю совокупность смыслов, что и приводит к возникновению семантической категории.

Следует подчеркнуть, что прототип концепта, как и весь концепт в целом, представляет собой абстрактное понятие, которое складывается в результате образной транспозиции с простых представлений об объектах физического мира в более сложные, абстрактные. Схематично процесс образования категории выглядит следующим образом: физический мир – прототип – концепт (категориальное значение) – семантическая категория (совокупность смыслов концепта).

Выше подчеркивалось, что семантическая категория соотносится с грамматической категорией. В имеющемся многообразии термина грамматическая категория общим является представление ее как замкнутой системы взаимоисключающих грамматических значений, последовательно выраженных системой грамматических форм (ЛЭС: 216; Ярцева 1975: 5). Поскольку грамматические

значения проявляются уже на языковом уровне, то в этом случае следует вести речь не о семантической категории, которая связана с мыслительным содержанием, а об одноименном функционально-семантическом поле, соотносимом с языковым содержанием (Бондарко). В организации функционально-семантического поля, как известно, могут участвовать самые различные языковые единицы, относящиеся к различным грамматическим категориям. Категориальную принадлежность любой грамматической формы, таким образом, можно рассмотреть сквозь призму теории прототипов, определив место (ядерное или периферийное) данного элемента в структуре данной категории. При этом облигаторным для рассматриваемой грамматической формы является наличие основной семы прототипа семантической категории, которая, как уже отмечалось, эквивалентна ядерной семе концепта. Поясним приведенное положение на материале ряда грамматических форм древнерусского и современного русского языков.

Постулируем следующее: формы аориста и имперфекта в древнерусском языке 13 – 14 веков является периферийными в категориальной совокупности прошедшего времени, а форма перфекта составляет ее прототип. Доказательством данного постулата является тот факт, что в последней в большей степени сконцентрировано прототипическое значение соответствующей семантической категории перфектности. Поскольку смысловым содержанием данной категории является результат прошлых действий в настоящем, то можно предположить, что она сформировалась на основе концепта “результат”. Понятие результат обладает ценностными характеристиками, а значит, является концептом, так как именно в период 13 – 14 веков настоящее рассматривалось древними славянами сквозь призму прошлого, а нашествие Батыя, массовое разорение Руси в период татаро-монгольского нашествия воспринималось как наказание “за грехи наши”. Анализируя концепт результат, применим приведенную выше методику и выделим его прототип, в качестве которого выступает понятие итог. Это абстрактное понятие, более сложное по сравнению с соответствующими объектами физического мира, так как не видимо и не осязаемо. Думается, в основе его образования лежат такие физические объекты, как плод фауны или флоры, продукт труда. Представления о них с течением времени абстрагируются и в результате метафорического переноса образуют понятие итог, на основе которого складывается концепт результат. Грамматическая форма аориста лишь в незначительной степени содержит сему итог, например, форма иде передает не только мгновенное, однонаправленное действие без определенных последствий в настоящем (в отличие от формы перфекта есть ушел), но и выражает определенный итог: иде – значит, его нет. Подобное же рассуждение можно привести относительно формы имперфекта идяше. Если в 11 – 12 в.в. древнерусские формы прошедшего времени выражают значение аспектуальности, то в более поздний период с развитием грамматической категории вида аспектуальность передается с участием форм данной категории, а формы аориста и имперфекта оказываются на периферии грамматической категории прошедшего времени и постепенно утрачиваются.

Таким образом, грамматическая форма в рамках грамматической категории выражает ядерное или периферийное значение соответствующей ей семантической категории, а следовательно, принадлежность грамматической формы к определенной грамматической категории следует связывать с наличием или отсутствием в ней основного значения категории, или семы прототипа.

На периферии категории настоящего времени находятся формы настоящего исторического, настоящего расширенного, настоящего постоянного, в отличие от ядерной формы настоящего конкретного момента речи, так как в меньшей

степени выражают прототипическую сему картина концепта панорама, включающего совокупность смыслов то, что мы видим сейчас. Эта совокупность смыслов зависит от того, насколько адекватно реальности мы видим окружающий мир.

Применительно к т.н. спорным грамматическим формам, обозначенным в начале статьи, отметим следующее. Формы 1-го лица множественного числа глаголов лишь в незначительной степени передают семантику прототипа просьба концепта требование, соответствующего категории императивности. Это свидетельствует о том, что данные формы правомерно включать в состав грамматической категории повелительного наклонения, относя их к ее периферии. Как известно, они омонимичны формам 1-го лица будущего времени, и это вполне объяснимо, так как семантические категории футуральности и императивности взаимопересекаемы (см. подробнее об этом: Килевая 2001: 75-77). То же относится к конструкциям, включающим глаголы 3-го лица единственного или множественного числа в сочетании с частицами пусть, да. Прототипичными же для данной категории являются формы 2-го лица единственного и множественного числа с окончаниями -и, -ите.

Относительно того, включать ли формы императива в состав категории наклонения, заметим, что в данном случае также следует исходить из структуры соответствующей семантической категории, в выражении значения которой они участвуют. Как известно, грамматической категории наклонения соответствует семантическая категория модальности. Поскольку данная категория имеет сложную структуру, включающую другие семантические категории, то концепт, категоризируемый модальность, определить достаточно сложно. Нам представляется, что здесь следует исходить из определения категории наклонения, являющейся ядерным компонентом функционально-семантического поля модальности. Заимствованный из древнегреческого языка, термин "наклонение" соответствует словосочетанию душевное состояние (Миронова 1991: 158). Реальное действие, произошедшее в объективной действительности, преломляется в сознании говорящего и вырисовывается как реальное, предполагаемое, желаемое или требуемое, отражая тем самым определенное его состояние. На мыслительном уровне это проявляется в объективной и субъективной модальности. Исходя из этого, мы считаем возможным признать в качестве искомого концепта сложное понятие состояние, которое, как известно, представляет ценность в любой ипостаси.

Пользуясь приведенной выше методикой анализа концепта, заключаем, что прототипом концепта состояние является понятие положение. Нетрудно выявить, что сема этого прототипа присутствует в каждом грамматическом значении категории наклонения, в том числе и в значении императива, передавая положение действия как нереального. Думается, используемые аргументы достаточно доказательны для включения императива в состав грамматической категории наклонения. Проблематичным, на наш взгляд, оказывается также определение прототипа данной категории, что должно стать предметом специального исследования.

Статус форм будущего времени в составе категории времени приобретает устойчивость, если считать верным, что в основе семантической категории темпоральности лежит концепт время. Прототипическим значением его является длительность происходящего, а сема этого прототипа включается не только в состав категорий перфектности и презентности, но и в состав категории футуральности, в передаче языкового содержания которой участвуют, наряду с другими языковыми единицами, и формы будущего времени. Правомерность традиционного включения их в состав категории времени не вызывает сомнений, несмотря на яркую субъективную модальную окрашенность.

В несколько ином аспекте следует, однако, рассматривать древнеславянские перифрастические конструкции, содержащие сему прототипа категории фуптуральности, такие, как *иму читать*, поскольку они не получили дальнейшей грамматикализации в процессе языковой эволюции.

Встает вопрос: как квалифицировать формы глаголов при употреблении их в переносном значении? Возможно ли включение исходных форм в периферию грамматической категории, в выражении грамматического значения которой они участвуют? Речь идет, в частности, о формах глагола прошедшего времени типа *пошел*, употребляемого в значении повелительного наклонения и также содержащего в связи с этим сему его прототипа. Думается, нет. Ведь в данном случае сема прототипа присутствует в форме глагола не изначально, а возникает лишь как результат контекстуальной организации и распознается исключительно в контексте.

Из всего сказанного следует, что анализ форм глагола с позиции теории прототипов позволяет разрешить целый ряд спорных вопросов относительно их грамматического статуса. Прототипическое значение, зарожденное в концепте, проходит сквозь все этапы формирования грамматической категории, завершающим среди которых является грамматическое значение, воплощенное в грамматической форме. Условность выделения этих этапов очевидна, как очевидна и условность отграничивание языка от мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аристотель**. Категории. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 83с.
2. **Бендетович Г.Б.** Прототипы как систематизирующий принцип организации лексики // Актуальные проблемы исследования языка и речи. Материалы Междунар. науч. конф. В 2ч. – Мн., 2001, ч.1. – С.148-151.
3. **Бергельсон М.Б.** Проблема императива в контексте теории речевых актов // Императив в разноструктурных языках. – Л., 1988. – С.21-23.
4. **Бондаренко В.Н.** О содержании категории наклонения в описательных грамматиках // Известия АН СССР, 1980. – Т.39. – № 6. – С.568.
5. **Бондарко А.В.** Классификация грамматических категорий // Типология грамматических категорий. – С.56-76.
6. **Ваулина С.С.** Эволюция выражения средств модальности в русском языке. – Л., 1988. – С.144.
7. **Т.А.ван Дейк**. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С.82-84.
8. **Есперсен О.** Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. Лит-ры, 1958. – 404 с.
9. Килевая Л.Т. Будущие действия: предсказание или реальность? // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т.1. – С.75-77.
10. **Корнеева А.Ю.** Слово и концепт // Актуальные проблемы исследования языка и речи, ч.1. – С.115-118.
11. **Кубрякова Е.С.** и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997.
12. **Кубрякова Е.С.** Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С.85-91.
13. **Ладутько М.В., Сычева Е.К.** О соотношении концепта и художественного концепта // Актуальные проблемы исследования языка и речи, ч.1. – С.111-113.
14. **Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С.12-51.
15. **Лангааккер Р.У.** Когнитивная грамматика. – М., 1992.
16. **Мещанинов И.И.** Глагол. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
17. **Миронова Т.Л.** Категория наклонения в древнегреческой и ранней восточнославянской грамматических традициях // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола / Под ред. **Г.А.Хабургаева и А.Бартошевича**. – М.: МГУ, 1991. – С.158-170.

18. **Михеев А.В.** Структура концептуальных классов и работы Э.Рош // Экспериментальные методы в психолингвистике. – М., 1987. – С.29-49.
19. **Супрун А.Е.** Проблема системности лексики // Методы изучения лексики. – Мн., 1975. – С.5-22.
20. **Фрумкина Р.М., Миркин Б.Г.** “Признаки” и “гештальты” в классификационных экспериментах // Экспериментальные методы в психолингвистике. – М., 1987. – С.5-28.
21. **Ярцева В.Н.** Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С.5-25.

SUMMARY

This research is based on the theory of prototypes which has been worked out in the foreign linguistics and Russian philology. The author comes to the conclusion that a prototypical sema of any semantic category should be in every grammatical meaning, forming the corresponding grammatical category.